

Чоканъ Валихановъ

**СЛѢДЫ ШАМАНСТВА
У КИРГИЗОВЪ.**

Алма-Ата
2015

ОГЛАВЛЕНІЕ

Слѣды шаманства у киргизовъ.	1
Арвахи или Онгоны, духи умершихъ предковъ.	9
О животныхъ, приносимыхъ въ жертву.	18
Космологическія понятія киргизовъ.	20
Явленія въ воздухѣ.	26
О чарующихъ силахъ въ природѣ.	28
О чарующихъ силахъ, заключающихся въ самомъ человѣкѣ.	30
Чарующая сила приписывается нѣкоторымъ дѣйствіямъ.	31
Клятвы.	33
Талисманы отъ глазу, отъ нечистыхъ духовъ и отъ разныхъ болѣзней.	36
Легенда о мертвомъ и живомъ и о дружбѣ ихъ.	43

СЛѢДЫ ШАМАНСТВА У КИРГИЗОВЪ.

Всѣ писатели о киргизахъ говорятъ и почти во всѣхъ географическихъ руководствахъ пишется, что киргизы магометане, но держатся шаманскихъ обрядовъ, или, что они обряды мусульманскіе смѣшиваютъ съ шаманскимъ суевѣріемъ. Это справедливо, но въ чемъ состоитъ ихъ шаманство? Объ этомъ, къ несчастію до сихъ поръ никто не писалъ обстоятельно, хотя статьи о киргизскихъ шаманахъ или о такъ называемыхъ баксы, появлялись нерѣдко въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Вообще, шаманство, какъ религія, составляетъ предметъ еще не изслѣдованный. Статья покойнаго Банзарова: о Черной вѣрѣ, есть единственное систематическое и лучшее ученое изслѣдованіе объ этой отдѣльной вѣрѣ, господствовавшей когда-то у всѣхъ народовъ передней Азіи. Несмотря однако же на превосходныя достоинства этого сочиненія,

---

мы думаемъ, что оно не полно: именно потому не полно, что оно есть, какъ гласитъ заглавіе статьи, очеркъ шаманства у монголовъ-буддистовъ, которые, какъ говоритъ Банзаровъ, «питаютъ отвращеніе къ стариннымъ своимъ повѣрьямъ и не почитаютъ ихъ достойными грамотнаго человѣка». Это обстоятельство, по моему мнѣнію, весьма важно, тѣмъ болѣе, что большую часть данныхъ для своей статьи Банзаровъ заимствуетъ изъ шаманскихъ молитвъ, собранныхъ ламами въ особыя книги и въ измѣненномъ видѣ усвоенныхъ буддизму, какъ на примѣръ, обряды и молитвы при сооруженіи обо, молитва огню, гаданіе на бараньей лопаткѣ и проч. и конечно были измѣнены по понятіямъ новаго ученія, что видно изъ слѣдующихъ словъ Варджрадарка Мэргэна, автора сочиненія о построеніи обо: «хотя составленіе такихъ книгъ само по себѣ не только стыдно (ибо время ихъ прошло), даже непріятно для мудрыхъ, однако же невозможно противиться желающимъ устроить обо и проч.».

Буддизмъ, со своей обширной миѳологіей и обрядностями болѣе торжественными, долженъ былъ скоро вытѣснить

первоначальныхъ шаманскихъ духовъ и большую часть шаманскихъ обычаевъ. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи обычаевъ шаманскихъ и въ отношеніи шаманской демонологіи, киргизы, сколько мнѣ кажется, богаче монголовъ. Я этимъ не хочу сказать, чтобы шаманство сохранилось у киргизовъ чище, чѣмъ у монголовъ; напротивъ, у киргизовъ оно смѣшалось съ мусульманскими повѣрьями и, смѣшавшись, составило одну вѣру, которая называлась мусульманскою, но не знала Магомета, вѣрила въ Аллаха и въ то же время въ онгоновъ, приносила жертвы на гробницахъ мусульманскимъ угодникамъ, вѣрила въ шамана и уважала магометанскихъ ходжей. Поклонялись огню, а шаманы призывали вмѣстѣ съ онгонами мусульманскихъ ангеловъ и восхваляли Аллаха. Такія противорѣчія нисколько не мѣшали другъ другу, и киргизы вѣрили во все это вмѣстѣ.

Такой порядокъ вещей продолжался до нашихъ дней, когда Исламъ, вмѣстѣ съ русской цивилизаціей, проникъ въ степь и грамотныя дѣти, воспитанныя фанатичными татарами, съ презрѣніемъ отвернулись отъ обычаевъ предковъ

и стали преслѣдовать и запрещать ихъ, гдѣ только замѣчали.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что основою этой смѣшанной вѣры служило шаманство.

Мусульманство среди народа неграмотнаго, безъ мульты, не могло укорениться, но оставалось звукомъ, фразой, подъ которыми скрывались прежнія шаманскія понятія. Оттого измѣненію подверглись имя, слова, а не мысль. Онгонъ стали называть Арвахомъ. Кукъ-Тангри — Аллахомъ или Худаемъ, духа земли — шайтаномъ, перидивана и джиномъ, а идея осталась шаманская. Но тѣмъ не менѣе основанія шаманской вѣры были поколеблены магометанскимъ единобожіемъ. Небо слилось съ идеей Аллаха, а второстепенные тенгри, почитаемые въ олицетвореніяхъ, и особенно тѣ, которые имѣли изображенія, какъ, на примѣръ, *истуканы боговъ земли* (Дзаягачи), совершенно были забыты, вѣроятно потому, что болѣе преслѣдовались при введеніи ислама, какъ идолы, столь ненавистные мусульманамъ. Зато солнце, луна, звѣзды, которыя не были олицетворены,

---

пользуются до сихъ поръ уваженіемъ, и въ народѣ сохранились нѣкоторые обряды ихъ культа. Всѣ шаманскіе обряды, понятія, легенды, столь тѣсно соединенные съ бытомъ кочевымъ, сохранились у киргизъ въ совершенной цѣлости и представляютъ богатый матеріаль для изслѣдованія средне-азіатскихъ древностей.

Банзаровъ въ основныхъ положеніяхъ о шаманствѣ, по нашему мнѣнію, судить несовсѣмъ вѣрно, или, лучше сказать, не обнимаетъ всю идею шаманства.

Шаманство, съ одной стороны, есть почитаніе природы вообще и въ частности; человекъ дѣйствуетъ и живетъ подъ влияніемъ природы. Въ этомъ смыслѣ шаманство представляетъ крайній матеріализмъ. Съ другой стороны, умирая, человекъ самъ становится божествомъ — это крайній спиритуализмъ. Идея замѣчательная особенно потому, что не имѣетъ миѳологическихъ заблужденій и даетъ полный просторъ общественнымъ условіямъ, общественнымъ законамъ. «Поклоненіе есть высочайшее удивленіе», говоритъ Карлейль, котораго понятія о происхожденіи язычества, по

нашему мнѣнію, вполнѣ объясняютъ шаманство. Природа и человѣкъ, жизнь и смерть — были предметами высочайшаго удивленія и были всегда преисполнены неизслѣдимой тайны. Природа и человѣкъ! Скажите, что можетъ быть чудеснѣе и таинственнѣе природы и человѣка? Необходимая потребность познать вселенную съ ея чудесами, вопросъ о жизни и смерти и отношенія человѣка къ природѣ, породили шаманство — обожаніе вселенной или природы и духа умершихъ людей. Такъ младенчеству челоѣкъ былъ приведенъ къ почитанію солнца, луны, звѣздъ и всего того безконечнаго, вѣчнаго и разнообразнаго, что мы называемъ природою или вселенной.

Вотъ отвѣтъ Карлейля, который такъ хорошо объясняетъ шаманское *небо-почитаніе*:

«Вы вѣрно помните приводимый Платономъ примѣръ челоѣка, который, выросши и возмужавши въ темной пещерѣ, вдругъ былъ выведенъ на свѣтъ, чтобы... Эта зеленая съ цвѣтами трава, деревья, горы, ручьи, шумящее море, эта глубокая бездонная лазурь неба, летучіе вѣтры, клубящееся

черное облако, извергающее то огонь, то дождь, то градъ, — что это такое? А это другое таинство — время: вотъ высочайшее таинство... это вселенная... ахъ, Боже мой! Это какая-то сила неизслѣдимая. Корень всѣхъ силъ — сила, которая *не мы*».

Шаманистъ удивлялся солнцу и поклонялся ему; онъ увидѣлъ луну и ей поклонился; онъ поклонялся всему въ природѣ, гдѣ замѣчалъ присутствіе этой неизъяснимой вѣчной какъ время силы, которую онъ назвалъ Синимъ Небомъ: Кокъ-Тенгри. Происхожденіе шаманства, это — обожаніе природы вообще и въ частности.

Другое чудо — человекъ. Эта душа, эти способности, этотъ духъ мыслящій и пытливый, не есть ли очевидное присутствіе божества, — неизслѣдимой вѣчной *силы*. Онъ поклонялся живому духу въ лицѣ шамана и мертвому духу — онгону. Но вліяніе природы въ этой жизни на человека, особенно младенствующаго, слишкомъ сильно, слишкомъ дѣятельно, и онъ долженъ былъ создать правила, которыми онъ руководствовался въ отношеніи къ таинственной

природѣ, что дѣлать и чего не дѣлать. Вотъ происхожденіе тѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которые мы называемъ теперь шаманскимъ суевѣріемъ и которые тогда были *истинной вѣрой*, вѣрой несомнѣнной, живой.

Такимъ образомъ шаманство первоначально было почитаніемъ природы вообще въ идеѣ неба и въ частности солнца, луны, рѣкъ, горъ, и проч. чудесъ природы и стихій, и поэтому отчасти походило на фетишизмъ, хотя по идеѣ оно далеко не похоже на эту грубую и мелкую адорацію. Олицетворенія не было и второстепенные тенгри, конечно, появились впоследствии, чему служитъ доказательствомъ самое названіе тенгри — небо. Вліяніе зороастровой религіи проникло, какъ справедливо замѣчаетъ Банзаровъ, впоследствии и выразилось олицетвореніемъ неба въ Хормузѣ и въ поклоненіи огню, которое, по нашему мнѣнію, могло существовать и въ самомъ шаманствѣ, но религія маговъ придавала поклоненію этому божеству болѣе обширные размѣры и обставила его большими обрядами. Какое понятіе имѣло шаманство о Небѣ, какъ о божествѣ, и его мо-

гуществѣ въ отношеніи человѣка? Человѣкъ мертвый былъ самъ свободное божество, поэтому вліяніе Неба простиралось только на человѣка живаго. Поэтому же и идеи грѣха въ смыслѣ христіанскомъ не было; отъ божества зависѣло благо и худо, добро и зло, счастіе и несчастіе во время земной жизни, а благодать и кара слѣдовали тотчасъ за грѣхомъ въ шаманскомъ смыслѣ.

АРВАХИ ИЛИ ОНГОНЫ, ДУХИ УМЕРШИХЪ ПРЕДКОВЪ.

«Внѣшній міръ — природа, внутренній міръ — духъ человѣка, и явленія того и другого — вотъ что было источникомъ *черной вѣры*», говоритъ Банзаровъ. Внѣшній міръ — солнце, луна, звѣзды и земля, вотъ первыя божества; почитанье цѣлаго должно было привести къ почитанію частностей: горъ, рѣкъ, холмовъ и проч. Такимъ образомъ, шаманство обоготворило природу. Небо, тенгри, хотя впоследствии и олицетворялось, но никогда не было богомъ.

Человѣкъ приписывалъ небу, солнцу и лунѣ власть надъ собой, вліяніе чего нельзя отрицать, но вліяніе это дѣйствовало на него только въ этомъ мірѣ, отъ рожденія до смерти. Онъ могъ родиться подъ особеннымъ покровительствомъ природы — чуднымъ образомъ и умереть отъ гнѣва, но по смерти власть природы на него прекращалась, онъ самъ становился арвахомъ, онгономъ, божествомъ свободным!... Благополучіе его въ томъ мірѣ зависѣло отъ того, какъ родственники исполняли обряды *поминокъ*. Если поминки были исправны, онъ былъ спокоенъ и покровительствовалъ всѣмъ роднымъ, не то, — онъ становился врагомъ и вреднымъ. Такимъ образомъ, Небо было безпристрастно, какъ божество, и неревниво. У шаманскихъ народовъ не было грѣховъ въ смыслѣ христіанскомъ; человѣкъ боялся кривить совѣстью, потому что оттого уменьшался его скоть, наступить на огонь, потому что онъ получитъ болѣзнь. Однимъ словомъ, суевѣрія шаманскія вели за собою *кесръ*, несчастіе, падежъ скота, болѣзнь. Наказаніе слѣдовало тотчасъ за нарушеніемъ обряда. Со смертью онъ освобождался отъ всѣхъ

наказаний и духъ былъ свободенъ.

Люди великіе, сильные были и всеильными, всемогущими онгонами, мелкія природы становились и по смерти ничтожными духами. Чингисъ-ханъ послѣ смерти былъ почитаемъ, какъ богъ. У киргизовъ почитаніе арваховъ до сихъ поръ во всей силѣ. Они въ трудныя минуты жизни призываютъ имя своихъ предковъ, какъ мусульмане своихъ святыхъ. Всякую удачу приписываютъ покровительству арваховъ (см. свид. Рычкова). Въ честь арваховъ приносятъ въ жертвы разныхъ животныхъ, а иногда нарочно ѣздятъ на поклоненіе къ ихъ могиламъ и, принося жертву, просятъ ихъ о чемъ-нибудь, на примѣръ, бездѣтные — сына. Во время приношенія жертвы арваху киргизы говорятъ: {...}. Въ древности могилы знатныхъ и великихъ людей были скрыты или заповѣданы, — вѣроятно, чтобы ихъ не могли осквернить враги. У нынѣшнихъ киргизъ воздвигнуть знатный курганъ или памятникъ считается непремѣнной обязанностью дѣтей, и могилы эти замѣняютъ имъ обо. Это единственныя святыни киргизовъ.

Китайскіе писатели сохранили намъ нѣкоторыя обычаи, соблюдавшіеся при погребеніи царей у хунну, киданей и другихъ шаманскихъ номадовъ. Европейскіе путешественники, ѣздившіе къ монголамъ, говорятъ о подобныхъ обычаяхъ у комановъ и монголовъ. Если сравнимъ ихъ съ киргизскими, то найдемъ въ нихъ замѣчательное единство идей и даже сходство обрядовъ.

Шаманы почитались какъ люди, покровительствуемые небомъ и духами. Шаманъ — человекъ, одаренный волшебствомъ и знаніемъ, выше другихъ, онъ поэтъ, музыкантъ, прорицатель и вмѣстѣ съ тѣмъ врачъ. Киргизы шамана называютъ бахши, что по монгольски значитъ учитель; уйгуры бахшами называли своихъ грамотниковъ, туркмены этимъ именемъ зовутъ своихъ пѣвцовъ.

Команы называли шамана хамъ, такъ называютъ его и теперь сибирскіе татары. Мы не будемъ говорить о происхожденіи этого слова, которое достаточно разъяснено Банзаровымъ, не станемъ также опровергать мнѣнія о томъ, что шаманъ былъ и есть просто шарлатанъ. Мы только повто-

римъ здѣсь слова Карлейля: «мнѣ грустно даже предположить, чтобы шарлатанство, хотя въ дикарѣ, могло породить вѣру». И у киргизовъ не всякій можетъ быть шаманомъ, какъ не всякій изъ насъ можетъ быть поэтомъ.

•••

Эмъ. Болѣзни, по мнѣнію шамана, происходятъ не отъ физическихъ причинъ, но отъ воли божествъ и духовъ или вообще отъ непочитанія — *кіелы*, поэтому лѣченіе болѣзней производилось шаманами, людьми близкими къ духамъ, и потому знакомыми съ извѣстными обрядами, или, какъ ихъ называютъ сами киргизы, *эмъ*. Нѣкоторыя болѣзни имѣютъ хозяина *ійе, ійелу, авру*, т.е. своего духа.

У киргизовъ всѣ болѣзни болѣе или менѣе раздѣляются на двѣ категоріи:

1) *Учукъ, учунмакъ*, всякая незначительная болѣзнь, сопровождаемая головною болью или тошнотою, или лихорадочнымъ жаромъ. „Учукъ“ бываетъ, по мнѣнію киргизъ, отъ пищи. Судя потому, что они пищу и питье внѣ кибитки не ѣдятъ и не закрытою не оставляютъ на ночь, надо думать,

что дѣлають это, боясь порчи отъ злыхъ духовъ. Учукъ лѣчится обрядомъ, называемымъ также учукъ (учуктамакъ — лѣчить отъ учука).

2) *Кагынды* — болѣзни, сопровождаемыя болѣе сильными симптомами, и лѣчатся обрядами, называемыми *какманъ*.

Въ томъ и другомъ случаѣ имѣють въ виду испугать нечистаго духа. Въ учукъ прыскають три раза холодной водой и кипяткомъ, а въ кагынды бьютъ легкими, вынутыми отъ разныхъ животныхъ.

Киргизы ревматизмъ называютъ *тѣзъ арвахъ*, онъ получается отъ неосторожнаго хожденія по мѣстамъ старыхъ кочевокъ. Отъ ревматизма считаютъ вѣрнымъ средствомъ носить {...} на больномъ мѣстѣ, которое должно быть непременно повязано *дикокламеннымъ киргизомъ*.

Женскія болѣзни, особенно маточныя, приписываютъ дѣйствию духовъ, и женщинъ, одержимыхъ духами, называютъ *зиан-дасты*.

Чтобы не рождать дѣтей, женщинѣ слѣдуетъ вымочить-

ся на муравейникъ.

Эмъ отъ водобоязни состоитъ въ томъ, что больнаго заставляютъ кусать ушки котловъ въ сорока кибиткахъ. У казанскихъ татаръ собираютъ куски хлѣба изъ сорока избъ.

•••

Огонь. Почитаніе огня, какъ справедливо думаетъ Банзаровъ, заимствовано шаманствующими народами отъ персовъ, какъ и почитаніе Ормузда. Мы совершенно согласны съ нимъ въ этомъ, но полагаемъ, что заимствование было въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ думаетъ Банзаровъ. По нашему мнѣнію, шаманство первоначально заключалось въ грубомъ почитаніи міра вообще, въ идеѣ Неба и всѣхъ его частей, т. е. солнца, луны, земли, также съ частностями: горами, рѣками, замѣчательными камнями, деревьями и проч. Идея добрыхъ и злыхъ тенгріевъ, культъ огня, можетъ быть, самое искусство шамановъ (но не шаманство) заимствовано отъ персовъ, даже дуализмъ Неба, какъ матеріи — Кокъ и какъ Бога — вѣчный, вѣроятно, занесенъ отъ нихъ же. Изъ всѣхъ шаманскихъ обрядовъ у киргизъ поклоненіе огню

до сихъ поръ имѣть большую силу. Киргизы огонь называютъ *авліе*, этимъ же именемъ называютъ мусульманскихъ угольниковъ. Изъ почтенія, огонь киргизы, подобно монголамъ, называютъ *мать*.

Огонь у киргизовъ имѣть качество очистительное. Очищаютъ, проводя между двухъ огней. Обрядъ очищенія называется *аласта*. Скочевывая съ зимовокъ, они переходятъ кочевкой между двухъ огней; человѣкъ, дающій публичную клятву, долженъ также очищаться огнемъ.

Огонь былъ покровителемъ жилищъ, домашнимъ святилищемъ; поэтому у киргизъ неvěста, при вступленіи въ новое семейство, должна была поклониться огню въ *болъшомъ домъ*. Обычай этотъ существуетъ у монголовъ и замѣняетъ вѣнчаніе. У киргизъ онъ, очевидно, утратилъ много подробностей, если его сравнить съ монгольскимъ. Невѣсту, вступившую въ новое семейство, женщины вводятъ въ юрту тестя. Въ дверяхъ она дѣлаетъ обычное колѣнопреклоненіе (*чардымъ*); потомъ садятъ ее около очага на выдѣланную телячью кожу, чтобы она (невѣста) была мягка,

какъ шкура {...} затѣмъ льютъ въ огонь жиръ, и она падаетъ нѣсколько разъ ницъ, приговаривая: мать-огонь и жирь-мать, награди меня милостью! {...} Въ это время женщины, нагрѣвъ ладони на огнѣ, водятъ по лицу невѣсты. Надо полагать, что молитва эта первоначально была не такъ кратка (см. эту молитву у монголовъ). Точно также при рожденіи ребенка приносятъ огню жертву говоря {...}

Киргизы оказываютъ вообще большое почтеніе огню; въ огонь нельзя плевать; нельзя проходить черезъ огонь, даже черезъ мѣсто, гдѣ онъ былъ когда-то разведенъ {...} Киргизы самага взбалмошнаго человѣка называютъ {...} Почитая огонь, боялись гнѣва огня и потому клялись гнѣвомъ огня {...} Многія болѣзни считались гнѣвомъ огня и потому очень многія болѣзни лѣчились огнемъ. Къ числу болѣзней, лѣчимыхъ огнемъ, принадлежитъ ревматизмъ, боль въ ногахъ, которая, по мнѣнію киргизъ, происходитъ отъ неосторожнаго хожденія по мѣстамъ старыхъ стоянокъ. Монголы думали точно также, потому что у нихъ было преданіе, что племя Хонкиратъ страдало болью въ ногѣ, потому что оно

вышло изъ Иргене-хона и повергло благо другихъ племенъ подъ ноги.

Для жертвы огню употребляется у киргизовъ жиръ. Жертвенныя свѣчи или свѣтильники (черакъ) дѣлались бѣлые изъ ваты или изъ бѣлой дабы и синіе изъ китайки, пропитанной саломъ и обернутой около тонкаго стебля растенія *чій*. „Черакъ“ долженъ быть длиною въ локоть. Ваточные употребляются для сожиганія по умершемъ въ первые четыре дня; каждый день жгутъ по 10, всего — 40. Во время лѣченія шаманами употребляютъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней чераки бѣлые и синіе вмѣстѣ отъ 3-хъ до 7-ми и 9-ти.

О ЖИВОТНЫХЪ, ПРИНОСИМЫХЪ ВЪ ЖЕРТВУ.

Въ жертву приносили и приносятъ животныхъ всѣхъ родовъ, по преимуществу верблюдовъ, лошадей, барановъ и рѣдко быковъ, но всегда самцовъ и съ извѣстными примѣтами. «Возьмемъ», говоритъ въ поэмѣ Чора жена мужу, «отъ верблюдовъ — нара, отъ лошадей — жеребца, отъ коровъ —

быка и отъ овецъ — барана и пойдѣмъ просить себѣ сына».

Исламъ допускаетъ жертву отъ стадъ только въ память Курбана Авраамова, но киргизы при малѣйшемъ несчастіи рѣжутъ животное во имя Божіе — „Курбан“ или во имя арваховъ и приносятъ жертвы не при обо, а на могилахъ предковъ. Такія жертвы они называютъ *курбандык* и *садика* и этимъ нѣкоторымъ образомъ смягчаютъ ихъ языческое значеніе.

Верблюды показываютъ крайнюю важность причины, побудившей сдѣлать жертву. Верблюды должны быть бѣлые. Поговорка «распоролся желудокъ бѣлаго верблюда» употребляется при крайне радостныхъ случаяхъ, на примѣръ, при возвращеніи близкихъ людей изъ опаснаго похода или изъ дальняго путешествія, при рожденіи наследника у людей, которые давно этого дожидались, — и, очевидно, имѣетъ жертвенное происхожденіе. При подобныхъ радостяхъ, чтобы показать всю ихъ важность, надо полагать, приносили въ жертву верблюда, хотя въ настоящее время верблюды рѣдко приносятся въ жертву.

Баранъ долженъ быть бѣлый съ желтою головою {...} или бѣлый съ лысиною {...} Обыкновенно, принося жертву, киргизъ въ молитвѣ описываетъ примѣты приносимаго животнаго. «О, арвахъ, для тебя именую лунорогаго, раздѣльнокопытчатаго, съ запахомъ мускуса, или съ ушами {...} подобными баурсакамъ, или съ разрѣзными ушами, съ двумя зубами» {...} и проч. Приносятъ въ жертву и первенцовъ въ стадѣ, если они и не имѣютъ вышеприведенныхъ примѣтъ. Въ молитвѣ огню у монголовъ говорится также *бѣлый баранъ съ желтой головой*.

Киргизы нерѣдко въ бѣдѣ именуютъ лошадей или скотъ, почему-либо имъ дорогой, а приносятъ въ жертву другой, менѣе любезный. Для этого слюной именованнаго животнаго мажутъ ротъ животнаго, которое хотятъ въ самомъ дѣлѣ убить.

КОСМОЛОГИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ КИРГИЗОВЪ.

Здѣсь трудно распознать, которая изъ дошедшихъ

до насъ легендъ болѣе древняго происхожденія и подѣвліяніемъ какого культа онѣ произошли, тѣмъ болѣе, что объ одномъ и томъ же предметѣ существуютъ въ одно и тоже время различныя понятія.

Звѣзды, по мнѣнію нѣкоторыхъ киргизъ, ничто иное, какъ большія горы изъ драгоцѣнныхъ камней, лежащія отъ нашей планеты въ такомъ разстояніи, что кажутся маленькими точками. По мнѣнію другихъ, каждая звѣзда соотвѣтствуетъ душѣ какого-нибудь человѣка на землѣ, и когда умираетъ человѣкъ, то и звѣзда его падаетъ на землю. Когда киргизы видятъ падающую звѣзду, то говорятъ {...} «моя звѣзда выше»! или нѣсколько разъ чалипаютъ губами. Счастливаго человѣка, покровительствуемаго судьбою, называютъ «человѣкомъ со звѣздой». Киргизы вѣрятъ во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка.

Монголы приносятъ, по шаманскому преданію жертвы звѣздамъ и даютъ, подобно киргизамъ, большое значеніе звѣздамъ въ отношеніи власти доставлять человѣку счастье, богатство, скоть и проч. Изъ звѣздъ киргизы знаютъ и отли-

чаютъ поименно очень немного.

1) *Полярная звѣзда — Темиръ-Казыкъ*; по ней ориентируются киргизскіе путешественники во время ночи. Название *жельзный колъ*, вѣроятно, дано вслѣдствіе ея видимой неподвижности, по этому двѣ звѣзды, близкія къ ней и имѣющія около нея движеніе, которое похоже на ходъ лошадей, привязанныхъ на веревкѣ къ колу, называются «двумя бѣлыми лошадьми».

2) *Большая Медвѣдица* называется киргизами «семь воровъ» — *Джеты-Каракчи*, это — души семи разбойниковъ, которые днемъ воровали, а по ночамъ каялись во грѣхахъ, за это они были обращены послѣ смерти въ семь звѣздъ. У семи воровъ находится похищенная дочь *Плеядъ*.

3) *Плеяды — Уркеръ*. Киргизы замѣтили поступательное движеніе Плеядъ къ Большой Медвѣдицѣ и думаютъ, что она преслѣдуетъ семь воровъ, чтобы выручить свою дочь. По Плеядамъ киргизы узнаютъ часы ночи и времена года.

4) *Венера — Пастушеская звѣзда* {...} По восходѣ этой планеты, киргизскіе пастухи гонятъ барановъ въ ауль, въ

загонъ.

5) *Утренняя звезда — Чулпанъ-Джулдузъ.*

Знаки Зодіака и ихъ созвѣздія извѣстны киргизамъ подъ арабскими, но нѣсколько исковерканными названіями. Впрочемъ, положеніе ихъ никто не знаетъ. Киргизы имѣютъ свои названія мѣсяцевъ. Млечный путь *Кусъ-Джолъ* — «птичья дорога», потому что по направленію Млечнаго пути летаютъ перелетныя птицы.

Луна, вѣроятно, была божествомъ. Киргизы при видѣ новой луны дѣлаютъ земные поклоны и лѣтомъ берутъ съ того мѣста, гдѣ дѣлали поклоны, траву, которую, придя домой, бросаютъ въ огонь.

Киргизы говорятъ, что на лунѣ есть старуха (вѣроятно, вслѣдствіе округленности и пятенъ, которыя кажутся частями лица). Киргизы не смотрятъ долго на луну, боясь, чтобы старуха не сосчитала рѣсницъ; если это случится, то челоуѣкъ долженъ умереть. При отправленіи естественныхъ нуждъ не обращаютъ лица къ лунѣ. Вообще о лунѣ говорятъ съ уваженіемъ.

Конечно, если луна была божествомъ, то и солнце должно было быть тѣмъ же; между тѣмъ мы не видимъ у киргизовъ слѣдовъ уваженія къ этому свѣтилу. Банзаровъ тоже говоритъ о монголахъ. Странно. Не могло ли быть, что младенчествующій человѣкъ отдалъ первенство лунѣ потому самому, какъ въ анекдотахъ рассказываютъ про одного простяка, который сказалъ: луна лучше солнца, потому что днемъ и безъ солнца, свѣтло. Киргизы не обращаются лицомъ къ солнцу, когда отправляютъ естественныя нужды — вотъ единственная дань уваженія, которая до сихъ поръ намъ извѣстна.

*Небо — Кокъ-Тангри — «Синее небо», — это высочайшее божество въ шаманствѣ. У киргизовъ первое прилагательное (кокъ) означаетъ видимое, предметное, а существительное (тангри) обращено въ синонимъ Аллаха и Кудая (Худа). Впрочемъ, въ отдаленныхъ краяхъ степей, наприм., въ Дикокаменной ордѣ еще живетъ выраженіе *Кукэ-Тангри*, въ видѣ набожнаго восклицанія или призыванья. Слово Тангри еще при Чингисъ-ханѣ магометане переводили сло-*

вомъ Алла, а европейцы словомъ *Deus*, такъ оно было въ шаманствѣ близко къ идеѣ всемогущаго существа, а въ Малой Бухаріи и теперь китайское Тянь переводятъ персидскимъ словомъ *Худа* — Богъ.

Небо было свободно въ своихъ поступкахъ, оно награждало и карало. Отъ его воли зависѣло благополучіе людей и народовъ. Выраженія *Тангри-джарылкасынъ* (*джарынкамакъ*) — «да наградить тебя небо»; *Кокъ сукканъ* — «проклятый небомъ» и *Кукъ суккыръ* — «чтобы не было неба», показываютъ ихъ шаманское происхожденіе. *Джарлыкамакъ* имѣетъ очевидное сходство съ *джарлыкъ* (монгольское *дзарликъ*) изъясненіе воли и съ монгольскимъ *дзяга* — воля неба, судьба.

На небѣ есть жители — люди. Они опоясываются подъ горломъ; мы живемъ въ срединѣ на землѣ и носимъ поясъ на срединѣ тѣла, люди же подземные, у которыхъ также свое солнце, луна и звѣзды, носятъ поясъ на ногахъ. Между небесными киргизами есть очень богатая старуха (образъ жизни небесныхъ жителей киргизскій, иначе и быть не могло, такъ какъ эти элементы суть плодъ киргизской фан-

тазіи).

Радуга Кемпирденъ-Косагы, т. е. старушкинъ косагъ. Косагомъ называется протянутая по землѣ веревка съ петлями, къ которой на двѣ стороны привязываютъ овецъ. Упомянутая здѣсь старушка уже намъ знакома. Радуга — ея косагъ изъ разноцвѣтныхъ овецъ, которыхъ старушка имѣетъ привычку доить послѣ дождя.

ЯВЛЕНІЯ ВЪ ВОЗДУХѢ.

Монголы, какъ говоритъ Рашид-эд-динъ, ужасно боялись грома, считая его за гнѣвъ Неба. Киргизы говорятъ дѣйствительно, что громъ гнѣвный гласъ Божій, а молнія — стрѣлы, которыми Онъ поражаетъ шайтановъ, но трудно распознать Аллахъ или Небо этотъ гнѣвный богъ, и шайтаны, которыхъ онъ поражаетъ, мусульманскаго или шаманскаго происхожденія. Мусульманскія легенды въ этомъ отношеніи сходятся довольно близко съ киргизскими. Онѣ говорятъ, что громъ — крикъ одного страшнаго ангела, а

молнія — стрѣлы, коими онъ поражаетъ шайтановъ, но носить этотъ актъ къ самому Богу по мусульмански не прилично. Надо полагать, что здѣсь господствующая идея шаманская, тѣмъ болѣе, что буддисты-монголы, на которыхъ не могла дѣйствовать мусульманская легенда, также считаютъ молнію за стрѣлы небесныя, направленныя противъ злыхъ духовъ.

Намъ случалось также слышать относительно перваго грома выраженіе «небесный жеребецъ ржетъ» {...} При этомъ у киргизовъ соблюдается слѣдующій обрядъ: хозяинъ юрты съ ковшемъ выбѣгаетъ изъ юрты, бьетъ имъ, бѣгая кругомъ, свою кибитку снаружи, приговаривая: «молока много, углей мало»!

А потомъ, придя домой, втыкаетъ ковшъ около дверей на юрточную рѣшетку. Говорятъ еще, что льютъ молоко у порога. Кажется, все это дѣлается не изъ страха, а есть доброе пожеланіе обилія молока, слѣдовательно и увеличенія стада.

О драконѣ, какъ о производителѣ грома, мы не слыша-

ли. Вообще олицетвореній исламъ не терпитъ.

Вихрь, вѣроятно, былъ олицетворень, какъ одинъ изъ тангріевъ стихійнаго происхожденія, потому что киргизы, встрѣчая вихрь, плюютъ три раза: тфу, тфу, тфу! У г. Васильева говорится о подобномъ же обыкновеніи у Киданей.

О ЧАРУЮЩИХЪ СИЛАХЪ ВЪ ПРИРОДѢ.

Абулгази говоритъ, что турки имѣли камень, называемый яда или джада, посредствомъ котораго могли производить дождь, громъ и молнію. Киргизы этотъ камень называютъ Джай-тасы и до сихъ поръ вѣрятъ въ джада и возможность производить, когда нужно, дождь и непогоду, и многіе между ними славятся въ этомъ отношеніи. Киргизы всякое чародѣйство и колдовство называютъ джаду. Между киргизами прежде было много подверженныхъ джадѣ, испорченныхъ, т. е. околдованныхъ. Болѣзнь эта считалась смертельною и отъ нея можно было избавиться только черезъ операцию шамана, который рѣзалъ имъ желудокъ и

извлекаль оттуда какую-нибудь мерзость. Къ джаду прибѣ-
гали обыкновенно ревнивыя жены, и мы знаемъ по пре-
данію много киргизовъ, умершихъ якобы отъ джаду. Чтобы
обворожить, заставить кого-нибудь любить себя или, какъ
говорять киргизы, «вскружить голову», — прибѣгають къ
разнымъ заговорамъ. Замѣчательны между ними чары на
слѣдъ, о которыхъ упоминается въ русскихъ сказкахъ (вѣдь-
ма Марина Добрынѣ Никитичу). Большею частью заговоры
дѣлають на сахарѣ или изюмѣ, который потомъ даютъ кому
надо. Чародѣйство, колдовство у киргизовъ носитъ разныя
названія: во 1-хъ арбау (отъ него арбынѣ у дикокаменныхъ
киргизовъ и арбауга у катаковъ). Въ Манасѣ, эпической сагѣ
дикокаменныхъ киргизовъ, всѣ герои и богатыри имѣють
это качество; даже ихъ лошади — вѣщіе говорящіе кони и
имѣють еще способность измѣняться {...} въ птицъ и проч.
Они называются арбынѣ-кулунѣ, лошадѣ-чародѣй. Загово-
ры, которыми дикокаменные киргизы ограждають себя отъ
разныхъ болѣзней, также называются арбынѣ. Они имѣють
арбынѣ даже отъ удушливости на высокихъ горахъ, кото-

рая происходит отъ малаго давленія воздуха. У кайсаковъ арбау называются по преимуществу заговоры, а арбаучи люди, имѣющіе способность посредствомъ заговора освобождать челоуѣка отъ чаръ, отъ болѣзней и проч. Для того, чтобы излѣчить челоуѣка отъ ужалѣнія змѣи, киргизы хватаютъ живую змѣю и заговариваютъ ее. Если заговоръ былъ дѣйствителенъ, то змѣя должна тутъ же умереть. Вообще первоначальное значеніе этого слова — заговоръ.

Киргизы употребляютъ еще персидское слово сихръ и отъ него сихрга — колдовство.

О ЧАРУЮЩИХЪ СИЛАХЪ, ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ ВЪ САМОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

Грозны были для младенчествующаго челоуѣка стихіи, но отъ нихъ можно укрыться; хуже бѣда была въ самомъ челоуѣкѣ — страхъ передъ какою-то невѣдомою силой, которую онъ ощущалъ въ себѣ. Челоуѣкъ былъ окруженъ страхомъ; даже во снѣ онъ боялся, его страшилъ сонъ. Языкъ

человѣка черезъ слово имѣлъ, по мнѣнію киргизовъ, разрушительное вліяніе. «Слово человѣка можетъ раздробить камень, если не камень, то голову человѣка» {...} Если у киргиза умретъ красивый ребенокъ, пропадетъ хорошій конь, улетитъ хорошій соколь, испортится ружье, все приписывается человѣческому языку.

Глазъ дѣйствуетъ также, какъ и слово.

Киргизы, вмѣсто клятвы, лизали ногти на рукахъ, смотря на небо. Приписывается ли чародѣйская сила ногтямъ всѣхъ пальцевъ или одного пальца по преимуществу, не знаемъ. У Буслаева безъимянный палець по преимуществу не терпитъ неправды.

ЧАРУЮЩАЯ СИЛА ПРИПИСЫВАЕТСЯ НѢКОТОРЫМЪ ДѢЙСТВІЯМЪ.

«Обвести», «окружить» употребляется въ эпическихъ сказаніяхъ народовъ индо-германскаго племени въ смыслѣ приворожить, околдовать. При этомъ дѣйстви чарующую

силу они по преимуществу приписывали мертвой рукѣ: «какъ мертвою рукою обвести» (Снѣгиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, т. II, стр. 35).

У киргизовъ чарующая сила заключается собственно въ круженіи. Они избѣгаютъ полнаго круга при осмотрѣ чего бы то ни было. Обойти человѣка значитъ принять на себя всѣ его болѣзни, всѣ чары, которые тяготятъ надъ нимъ. Поэтому самое нѣжное слово у киргизовъ и самое вѣрное выраженіе любви заключается въ словахъ айна-лаинъ, у средне-азіатскихъ турковъ ургу-лаинъ, что значитъ «обхожу тебя». Мы слышали, что въ старые годы часто чадолюбивые отцы бѣгали съ поясомъ на шеѣ вокругъ юрты, гдѣ лежалъ больной ихъ сынъ, предлагая якобы себя небу, взамѣнъ больного, а родственники и одноаульцы старались удержать его отъ такого гибельнаго намѣренія. Такъ киргизы вѣрили въ круженіе. Птицу, попавшуюся въ руки, отпускаютъ на волю не иначе, какъ обведя ея нѣсколько разъ около головы.

КЛЯТВЫ.

1) «Да побьетъ меня огонь мой».

2) «Да буду твоимъ синимъ осломъ»; иногда добавляють: «въ двухъ мірахъ», т.е. на этомъ и томъ свѣтѣ.

3) «Инкъ дече» — скажи инкъ! Это слово по Рашид-эд-дину значитъ благословеніе; онъ этимъ словомъ объясняетъ онгонъ.

У дикокаменныхъ киргизовъ есть странная клятва: «майне-кенъ-булаинъ». Надо полагать, что Майнеке — имя собственное какого-нибудь человѣка, особенно прославившагося своими дурными качествами, или какая-нибудь унижительная профессія. Клятва эта общеупотребительная.

Рымъ, т. е. обычаи, соблюденіе которыхъ въ шаманствѣ избавляло отъ несчастій, а нарушеніе вело за собою какое-нибудь бѣдствіе; однимъ словомъ, тѣ простонародные обычаи, которые европейцы называютъ у себя суевѣріемъ или предразсудками, а въ шаманствѣ они и составляютъ обрядную часть ихъ вѣры. *Рымъ* называются также обряды,

исполняемые въ видахъ предзнаменованія. Напримѣръ, у кого нѣтъ сыновей, а родятся дѣвочки, тѣ даютъ послѣдней изъ своихъ дочерей имя Уль-туганъ (сынъ родился), Майкетъ, чтобы оно было предзнаменованіемъ для рожденія сына.

Мы ознакомились съ наиболѣе употребительными *рымами*:

1) При отчужденіи изъ табуна лошади, берутъ клокъ волосъ отъ гривы и, помочивъ въ слюнѣ животнаго, кладутъ въ карманъ; этотъ обычай называется «братъ слюну».

2) Отдавая кому-нибудь платье, оставляютъ у себя одну пуговицу или завязку.

3) При продажѣ животныхъ не отдаютъ отъ лошади узды, отъ верблюда носовой веревки, отъ сокола путалищъ, отъ собаки ошейника. Въ русскихъ сказкахъ чародѣй, который оборачивается въ разныхъ животныхъ, въ лошадь, собаку, сокола и пр., обыкновенно просить, чтобы при продажѣ его въ этомъ видѣ не отдавать узды, ошейника и путалищъ.

4) Входить въ юрту съ пищей во рту не хорошо, выходить, напротивъ, хорошо, «кѣ врагу ходятъ жуя и отъ друга выходятъ жуя». Если хозяинъ замѣтитъ, что кто-нибудь вошелъ къ нему съ жевачкой во рту, то непременно заставитъ его выплюнуть у порога все, что есть во рту.

5) При входѣ отворяютъ двери гостю сами хозяева; при выходѣ — ни за что. Нѣкоторые киргизы имѣютъ свой собственный рымъ, т. е. замѣтивъ, что извѣстныя дѣйствія всегда ведутъ за собою худо, а извѣстныя — благо, они избѣгаютъ первыхъ и не упускаютъ дѣлать послѣднія и пр. Нѣкоторыя киргизки ни за что не даютъ своего головного убора, боясь худыхъ послѣдствій.

Особенно много рымовъ киргизы наблюдаютъ во время *походовъ* и *баранты*. Слова: «тусъ» — сходи съ лошади, «байля» — вяжи, дабы не послужили дурнымъ предзнаменованіемъ, замѣняютъ благопріятными для нихъ но смыслу словами: *канъ*, *бекетъ*, *ійръ*. Пѣсенъ не поютъ; вмѣсто *сайты-аякъ* говорятъ *джулды-аякъ*; кобылу называютъ жеребцомъ, потому что ѣздить на баранту на кобылахъ считает-

ся неблагопріятнымъ для успѣха; назначеніе кобылицъ, по мнѣнію киргизовъ, есть разплодъ и кумысь, а не походъ.

ТАЛИСМАНЫ ОТЪ ГЛАЗУ, ОТЪ НЕЧИСТЫХЪ ДУХОВЪ И ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

Киргизы употребляютъ теперь магометанскія кабалистическія молитвы и называютъ ихъ «тумаръ»; въ прежніе же годы талисманы были большею частью вещественные, а именно: разныя части тѣла вѣщихъ животныхъ или птицъ, животныя кости и иногда камни.

1) *Кости животныхъ*, имѣющія сверхъестественную силу. Локтевая кость, по мнѣнію киргизовъ, могла замѣнить для скота пастуха, т. е. берегаетъ скоть отъ волковъ и отъ воровъ (а не отъ падежа, какъ ошибочно думаетъ г. Ильминскій см. Извѣстія Вост. отд. Арх. Общ. 1860 г., вып. 5-й). Для этого ее ставятъ въ юртѣ точно также, какъ у монголовъ, по разсказу Гомбоева, и какъ у монголовъ кладутъ между тонкою костью также траву кипецъ. Кость въ этомъ

видѣ изображаетъ пастуха съ укрюкомъ. По повѣрью киргизовъ, локтевая кость въ видѣ человѣка стережетъ скоть отъ воровъ и глазамъ воровъ представляется въ видѣ человѣка. Киргизы эту кость называютъ Кары-джимакъ, т. е. старый {...} Кары не есть ли испорченное слово хариту? Локтевую кость киргизы носятъ также привязанною къ передней лукѣ сѣдла, какъ хранителя сѣдельнаго прибора и лошадей. У киргизъ есть слѣдующая легенда. Нѣсколько воровъ ходили нѣсколько дней около стада одного киргизскаго бая, но ничего не могли украсть, потому что по ночамъ вокругъ стада ходило множество людей вооруженныхъ укрюками. Зная, что у этого киргиза кромѣ жены и дочери не было другихъ хранителей, не было ни сыновей, ни рабовъ, они рѣшились узнать это чудо и пришли къ нему на ночлегъ въ видѣ кунаковъ, т. е. гостей. Бай зарѣзалъ имъ барана и накормилъ ихъ до сыта. Тогда они чистосердечно объяснили ему, что они воры, что давно стерегли его стадо, но не могли ничего взять, потому что ночью ходятъ вооруженные. «Скажите, спросили воры, что вы имѣете такого и какимъ чудомъ вы

владѣете»? «Никакимъ чудомъ не владѣю, отвѣчалъ бай, у меня только одно правило, которому я слѣдую неуклонно. Именно, отецъ, умирая, завѣщалъ мнѣ одинъ завѣтъ. Сынъ мой, сказалъ онъ, я тебѣ оставляю завѣтъ, слѣдуй ему и будешь всегда богатъ. Сколько тебѣ ни придется рѣзать барановъ, не бросай локтевыхъ костей и привязывай ихъ къ косякамъ дверей и къ чагараку. Я всегда исполнялъ его волю и, слава Богу, не помню, чтобы изъ стада моего потерялся или чтобы волкъ похитилъ хоть одного ягненка». Вору осмотрѣлись въ юртѣ и увидѣли въ ней столько локтевыхъ костей, сколько видѣли они людей, сберегавшихъ по ночамъ стадо.

Волчья чашка предохраняетъ отъ ревматизма въ поясницѣ и отъ глазу.

2) Голова филина, ноги и перья сохраняютъ отъ злыхъ духовъ; для этого ихъ привязываютъ къ юртѣ и къ колыбелямъ дѣтей. Намъ случалось видѣть въ юртахъ дикокаменныхъ киргизъ голову уллара (*Megaperdix himalayensis*). По понятію дикокаменныхъ киргизовъ, мясо этой птицы на-

всегда предохраняетъ отъ оспы. Зная, какъ опустошительна оспа, мы готовы вѣрить легендѣ, что во время оспы дикокаменные киргизы тѣхъ странъ, гдѣ не водится эта птица, ѣли путешественниковъ, которые пріѣзжали съ Алатавскихъ горъ, въ которыхъ во множествѣ водится урларъ.

3) Отъ худого глазу и языка носятъ камень, называемый «ишекъ-тасъ». Камень этотъ, по повѣрью, долженъ находиться въ желудкѣ ослонъ, но торговцы продаютъ подъ этимъ именемъ зеленую и муравленую глину. Всѣ болѣзни въ шаманствѣ приписывали навожденію злыхъ духовъ или гнѣву онгоновъ, оттого лѣченіе ихъ производилось шаманами — людьми, покровительствуемыми духами. Кромѣ шамановъ злые духи боятся и нѣкоторыхъ живыхъ знатныхъ, благородныхъ или храбрыхъ людей, которыхъ въ этомъ смыслѣ называютъ живыми духами.

Есть и животныя, которыхъ боятся черти. Напримѣръ, при родахъ верблюда-самца и ежа. Къ колыбели дѣтей привязываютъ иглы ежа, а при родахъ кладутъ ихъ на страждущую. Замѣчательно, что волосы русскаго человѣка употре-

блѣютъ также въ числѣ средствъ для изгнанія болѣзни.

•••

Киргизы приписываютъ особенную силу кѣ, нѣкоторымъ стихіямъ, напримѣръ, огню (которое было божествомъ), нѣкоторымъ животнымъ, птицамъ и разнымъ предметамъ, полезнымъ въ ихъ кочевомъ быту, и воздаютъ имъ извѣстнаго рода почетъ, думая, что исполненіе этихъ почетныхъ обрядовъ утверждаетъ за ними богатство и счастье, *кутз* (это слово заключаетъ въ себѣ идею счастья, соединеннаго съ богатствомъ), а не исполненіе — бѣдность и какое-нибудь зло. Предметы, имѣющіе такую силу кѣ, называются *кіелы*, а карательная сила ихъ *кесрз*.

Извѣстно, что монголы боялись проливать молоко; они въ этомъ случаѣ боялись *кесра*.

Поэтому надо полагать, что шаманскіе народы добро и зло приписывали благоволенію или гнѣву обоготворяемыхъ ими предметовъ и стихій кѣ. Благочестіе заключалось въ извѣстныхъ обрядахъ уваженія, а грѣхъ въ нарушеніи ихъ; они боялись *кесра*.

Чтобы показать каковы понятія киргизъ о загробной жизни, ниже мы приводимъ легенду, повидимому, чисто шаманскаго происхожденія. Они совершенно согласны со свидѣтельствомъ Плано-Карпини, который говоритъ, что монголы съ мертвымъ погребають кобылу съ жеребенкомъ, осѣдланную и взнузданную лошадей, чтобы ему было чѣмъ питаться на томъ свѣтѣ и разводить лошадей для своего употребленія. Киргизы кладутъ на могилу чашку, но животныхъ, которыя назначаются для замогильнаго употребленія покойника, рѣжутъ на его поминкахъ съ словами *тіе-берсенъ*— «да дойдетъ до тебя». Это очень важно; слѣдовательно, шаманское небо было безпристрастно какъ божество, но ревниво. Большое или меньшее благосостояніе человѣка умершаго зависѣло не отъ неба, а отъ той исправности, съ которою должны были родные исполнить *обычаи*. Чѣмъ больше зарѣзано лошадей на могилѣ, тѣмъ благополучнѣе былъ покойникъ. Не отомщенный покойникъ, судя по этой же легендѣ, очевидно, долженъ былъ страдать. Вліянія исла-

ма въ этой легендѣ, по нашему мнѣнію, нѣтъ, кромѣ словъ салема-алеюкума. Азраила, Джебраила мы считаемъ не магометанскими архангелами, это, по нашему мнѣнію, шаманская *смерть*, переименованная согласно духу времени. Монголы олицетворяютъ смерть (Эрликъ-ханъ, богъ смерти), какъ олицетворяютъ нѣкоторыя болѣзни, на примѣръ, оспу, въ видѣ злой и отвратительной старухи. Мы не знаемъ изъ преданій, какой видъ имѣла киргизская смерть, но знаемъ, что она имѣла *укрукъ* чтобы схватить, и какое-то оружіе, чтобы зарѣзать свою жертву. Плано-Карпини говоритъ, что монголы очищали юрту и всѣ вещи покойника огнемъ. Киргизы также считаютъ все, что было въ юртѣ покойника, нечистымъ, потому что когда смерть рѣжетъ невидимо горло человѣка, то кровь его, также невидимая, доходитъ до 3-й клѣтки кирегэ въ юртѣ, слѣдовательно, потопляетъ всѣ вещи, находящіяся въ юртѣ. Самое бѣгство отъ смерти, недопускаемое исламомъ, составляетъ одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ легендъ шаманскихъ народовъ. У киргизскихъ шамановъ есть легенда о *Хархутъ*, первомъ шаманѣ,

который научилъ ихъ играть на *кобзъ* и пѣть *саръ*. Даже у болѣе омусульманившихся туркомановъ Кароглу убѣждалъ отъ смерти, хотя и не на долго. Поэтому надо полагать, что хотя воля неба въ отношеніи смерти была въ шаманствѣ но понятію близка къ судьбѣ, но все-таки люди старались избавиться, а не покорялись ей, какъ древніе своему *fatum* и магометане передъ ужаснымъ Пагдырь.

ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМЪ И ЖИВОМЪ И О ДРУЖБѢ ИХЪ.

Въ старину было у одного бая три сына. Потерялся разъ у этого бая одинъ косякъ кысраковъ. Вотъ и говоритъ отцу старшій сынъ: «Отецъ! дай, я поищу нашъ скотъ, кысраковъ!» «Ступай, сынъ мой, ищи!» говоритъ отецъ. Сынъ садится на лошадь, беретъ провизию {...} и оружіе {...} Видите, отецъ былъ чародѣй и хотѣлъ испытать дѣтей; онъ отправляется черезъ шесть степей и, обратившись въ шесть волковъ, ждетъ сына. Увидѣвши шесть волковъ, сынъ испугал-

ся, убѣжалъ домой и легъ. Средній сынъ просится тоже у отца искать лошадей, и онъ также прибѣжалъ домой, испугавшись волковъ. Остается самый младшій; онъ говоритъ: «я буду искать». «Ладно!» отвѣчаетъ отецъ. Отецъ то былъ испытатель {...} онъ обратился въ шесть тигровъ {...} и легъ на дорогѣ. Увидѣвши отца, обратившагося въ шесть тигровъ, сынъ ударилъ нѣсколько разъ по лошади и бросился на тигровъ. Только что онъ хотѣлъ всадить копье, «Аа!» говоритъ отецъ, «это вѣдь я, я знаю, что ты всадишь копье. Ну, подними руки, я благословлю». Тутъ онъ даетъ благословеніе и говоритъ: «да дастся тебѣ благополучный путь, передъ собой да обрящешь искомое», и еще говоритъ: не «забудь, сынъ, когда придется тебѣ быть въ мѣстахъ не обитаемыхъ {...} не оставляй могилъ, если будутъ встречаться ночью — ночуй при нихъ». По прошествіи многихъ дней (однажды) на закатѣ солнца младшій сынъ увидѣлъ группу могилъ; вокругъ не было жилищъ (кочевокъ). Видитъ на западной сторонѣ ихъ стоитъ свѣжая черная могила, приходитъ — говоритъ: «суйлямъ». Когда сказалъ суйлямъ, онъ услышалъ отвѣтъ:

«кого спрашиваешь»? Затѣмъ выходитъ молодой человекъ съ прекрасно выведенными бровями. «Кого спрашиваю? я божій странникъ, думаю на ночлегъ». «Сходите (съ лошади)», говоритъ, а самъ поддерживаеъ за узду, ссаживаеъ, оказываеъ почестъ. Взялъ за руку и говоритъ мертвый живому: «закрой глаза и когда я скажу, тогда открой», и ведеъ. Когда сказалъ: «открой!» младшій сынъ видитъ: прекрасная юрта, войдешъ — не выйдешъ, пахнетъ {...} такъ хорошо (запахъ свѣжей травы). Какъ только съѣли, «ступай», говоритъ, «веди для гостя барана» (у него былъ черный слуга). Черный слуга вышелъ и при вель, держа за шею {...} съраго барашка. Зарѣзавъ, какъ слѣдуеъ, сварили, съѣли и легли, какъ слѣдуеъ. Настало утро; умывъ лицо и руки, мертвый далъ гостю остатки вчерашняго ужина. Сидя такимъ образомъ, сказалъ (мертвый): «давай {...} двое будемъ друзьями». «Будемъ, такъ будемъ»! Тутъ же открывъ груди и обнявшись, сдѣлались друзьями. «Теперь поѣду», говоритъ живой, «искать кысраковъ». «Хорошо, другъ, но напередъ расскажемъ свои тайны. Я былъ единственный сынъ одного бая. Отецъ мой

быль богатъ. Разъ нашъ народъ повель войска на войну, я тоже окончился. Тогда одинъ всадникъ въ загнутой черной шапкѣ, на черной съ лысиной лошади, съ длинной красной пикой въ рукахъ, съ острой черной бородкой вышелъ, говоря: на единоборство! Я тоже вышелъ. Онъ отъ людей и жилищъ, а я отъ набѣжниковъ. Онъ поправиль копье и я тоже; у меня копье было короче, у него длиннѣе. Его ударъ достигъ напередъ, и я былъ убитъ. За то, что я умеръ отъ врага {...} на войнѣ, Богъ сдѣлалъ меня такимъ — саидомъ (шаидомъ). Въ этотъ походъ подо мною была худая лошадь. Отецъ былъ богатъ, у него были двѣ лошади {...} полетить — птица не нагонитъ, погонится непріятель, не настигнетъ; я на одну было сѣлъ, да отецъ не позволилъ. Если, другъ мой, хочешь быть со мною другомъ, то сегодня доѣдемъ до нашего аула, у насъ будемъ ночевать, твои кысраки въ нашемъ стадѣ ходять, размножившись до 90 лошадей. Если меня считаешь другомъ, то распори двухъ лошадей ай-чубарыхъ, онѣ ходять вмѣстѣ (баръ уюръ)». «Ладно», говоритъ живой, «распороль бы, другъ, да жаль — нѣтъ у меня ножа». У мертваго

джигита былъ маленькій хорошенькій ножикъ. «Возьми его», говоритъ, «и распори. Я тебя прошу: когда будешь у нашихъ, то не показывай ножика; моя сестра узнаетъ, и тебѣ будетъ жутко». Живой молодецъ пріѣхалъ и сталъ на ночлегъ у отца мертваго своего друга. Настало утро, пришли съ уруса табуны. Сѣлъ онъ на лошадь и выѣхалъ на встрѣчу табуну. Пастухи были все молодые, онъ не призналъ ихъ за взрослыхъ людей. Два ай-чубара играютъ въ табунѣ, онъ схватилъ ихъ и разрѣзалъ имъ желудки. Мальчишки закричали: «Бай, бай! Одинъ человѣкъ распоролъ двухъ ай-чубаровъ!» и побѣжали до аула. Кто же станетъ смотрѣть, когда распороли ай-чубаровъ; со всѣхъ сторонъ погнались, сѣвши на лошадей. Схватили живаго друга и привели къ баю. И этотъ бьетъ и другой бьетъ; бьютъ сначала связаннаго и одѣтаго, а потомъ стали раздѣвать, сняли все, остались сапоги. Когда сняли сапоги, ножикъ и выпалъ. Сестра мертваго друга стояла тутъ. Какъ увидѣла ножикъ, тотчасъ узнала. «Ой, бай!» крикнула она, «это ножикъ брата» и схватила его въ руки. Прежде били—не били, а настоящее битье началось

теперь. «Это онъ убійца!» кричатъ кругомъ и хотятъ его убить. Но другъ прежде сказалъ ему; «если очень станутъ мучить, то скажи все, какъ было». Видя, что не избѣжать смерти, онъ сказалъ: «Джурись! Правду скажу — умру, не скажу — умру! Я прошу всего три слова — сказать или нѣтъ?» «Скажи», говоритъ, «если имѣешь что». Отъ начала разсказалъ все: «я былъ сынъ одного бая» и проч. Все разсказалъ. Теперь никто не повѣрилъ. «Ложь», говоритъ, «убьемъ! говори правду, ты убійца». «Народъ, вы мнѣ не вѣрите; если я вамъ покажу моего друга, то повѣрите»? «Джарайде! прекрасно, покажи только, повѣримъ». Бай началъ собирать народъ свой, чтобы идти на могилу сына. Сѣли на лошадей, а нашему джигиту дали не корову, а около того. Да ведутъ его въ серединѣ толпы, все еще не довѣряютъ. Доходятъ до кладбища. «Народъ», говоритъ джигитъ, «когда увидите, стойте вы здѣсь, да не плачьте, я вызову моего друга». Народъ остановился, но отецъ бѣднякъ не выдержалъ, пошелъ вслѣдъ за джигитомъ. Мертвый другъ все это знаетъ уже давно: арвахамъ все иввѣстно. Хотя отецъ его и оскорблялъ,

но онъ думаетъ дать ему *салема* и выходить. Съ отцомъ по-
здоровался {...}; приходитъ потомъ мать, съ ней тоже поздо-
ровался. Затѣмъ сестра единственная и съ нею его невѣста,
которую онъ оставилъ у родителей *на правой сторонѣ* (т. е.
въ двѣцахъ). Невѣста было подошла напередъ, онъ оттол-
кнулъ ее мизинцемъ правой руки. Побылъ съ сестрой. Бѣд-
няжка, увидя единственнаго брата, давно умершаго, не вы-
держала и одна слеза покатила и упала на правое плечо
мертвеца. Слева капнула, и братъ исчезъ неизвѣстно куда.
Народъ послѣ того повѣрилъ джигиту. «Хорошо! молодецъ!»
и сталъ не какъ прежде; сталъ почитать джигита. «Ты», ска-
залъ бай, «другъ моего единственнаго свѣтильника; ты мнѣ
теперь тоже, что онъ; возьми половину моего скота и моихъ
душъ». «Ничего мнѣ не нужно, отдай моихъ кысраковъ».
Старикъ два раза повторилъ свое предложеніе; джигитъ два
раза отказалъ, и поклонившись, разстался съ баемъ и по-
гналъ 90 своихъ кобыль. Поѣхалъ опять на кладбище, рас-
положилъ въ сторонѣ около свой косякъ, а самъ подѣхалъ
къ могилѣ и говорить: «достумъ! другъ!» — не выходитъ. До

трехъ разъ кричалъ: «другъ»! Въ четвертый разъ вышелъ, блѣдный, изнеможенный. «Я», сказалъ мертвый, «давно слышалъ твой голосъ, да нельзя было мнѣ скоро выйти. Слеза моей сестры, упавшая на мое плечо, сдѣлалась моремъ и потопила меня. Когда ты звалъ меня въ первый разъ, я былъ на той сторонѣ рѣки, въ другой — я былъ въ срединѣ, въ третій — я вышелъ изъ воды и переводилъ духъ. Охъ! измучился я совсѣмъ въ эти дни». Тутъ онъ повелъ друга въ свое жилище и они прожили вмѣстѣ нѣсколько дней, лошади паслись и ничто худое не могло имъ сдѣлаться. Сталъ живой другъ собираться домой. «Ну, другъ», сказалъ тогда мертвецъ, «ты, другъ. уѣдешь съ лошадьми и подводами цѣлъ и невредимъ домой. Своихъ ты застанешь въ приготовленияхъ на войну. Твой «домъ» будетъ говорить: не ходи въ походъ, ты и такъ пріѣхалъ измученный, истощенный! но ты не слушай ихъ и поѣзжай на другой же день въ поѣздъ». Пріѣхалъ (джигитъ) домой, всѣ обрадовались. Отецъ, мать, родные стали уговаривать, чтобы онъ не ѣздилъ, но онъ, помня слова друга, переночевалъ день дома, да и въ путь.

Другъ ему еще говорилъ на прощаньи «когда достигнете вражьихъ ауловъ, всѣ ударятъ въ коней, ты скачи одинъ по западной сторонѣ; на тебя бросится изъ аульныхъ людей одинъ въ черной съ загнутыми полями шапкѣ, на черной съ лысиной лошади, съ длиннымъ краснымъ копьемъ и съ черной острой бородкой. Ты ссадишь его при помощи Бога. Это тотъ самый, что убилъ меня. Ты зарѣжь его, говоря: «дойди до моего друга». Заколи и лошадь, говоря: «дойди до друга». Какъ было сказано, какъ только что они бросились на ауль, онъ поскакалъ одинъ по западной сторонѣ и, какъ сказать другъ, появился передъ нимъ чернобородый. Онъ ссадилъ его и зарѣзалъ, говоря: «дойди до друга»; закололъ и черную лошадь съ лысиной, говоря: «дойди до друга». Другъ мертвецъ говорилъ ему еще: «когда всѣ бросятся на добычу, ты скачи на западъ, тамъ на краю аула увидишь только что поставленный бѣлый отавъ; привяжи на правой сторонѣ дверей лошадь свою. Въ отавѣ увидишь молодую, только что взятую женщину, и двухъ дѣвиць, ястреба и черную борзую собаку въ ошейникѣ. Всѣхъ ихъ зарѣжь, говоря: «дой-

дите до друга». Джигить, зарѣзавъ чернобородаго человѣка и его лошадь, поскакалъ на западь. Видить бѣлый отавъ, перекинулъ поводъ въ правый косякъ дверей, вбѣжалъ въ юрту и видитъ молодую женщину, двухъ дѣвиць — сказалъ бы: солнце есть глазъ, сказалъ бы: мѣсяць есть ротъ. Зарѣзалъ молодую, говоря: «дойди до друга». Зарѣзалъ старшую дѣвицу съ тѣми же словами; другую же дѣвицу стало ему жаль, онъ поцѣловалъ ее, но подумавъ, тоже зарѣзалъ. Съ ястребомъ и собакой не сталъ думать. Другъ говорилъ ему еще: «всѣ будутъ брать казну несчетную; ты ничего не бери. Передъ отавомъ будетъ тополь, около него зеленый пруть: сруби ихъ; тутъ же увидишь верблюжій пометъ, собери его вмѣстѣ и все это навьючь на чернаго нара, который ходитъ у дверей отава, и вези домой. Отрядъ возвращался, стали доходить до своихъ кочевокъ, вдругъ сдѣлалась буря; два дня и двѣ ночи она продолжалась; весь скоть награбленный разбѣжался и частью погибъ, даже свои лошади погибли у войска. Джигить счугурилъ (уложилъ) верблюда и лежалъ себѣ около него спокойно. Другъ говорилъ ему еще: «когда

останется полдня ѣзды до аула, тогда возьми зеленый пруть и ударь имъ мѣшокъ съ пометомъ, говоря: «бисмилда ал-дрекъ банъ рахымъ»! Пойдутъ изъ него верблюды съ крикомъ, лошади съ ржаніемъ, коровы съ мычаніемъ и овцы съ блеяніемъ. Потомъ ударь зеленымъ прутомъ тополь дерево, говоря: «бисмилляхи» и проч., и дерево обратится въ золото и серебро — одно колѣно золота, другое серебра, одно колѣно золота, другое серебра». Хозяинъ былъ чародѣй и такимъ образомъ спасалъ золото отъ воровъ, скоть отъ падежа и волковъ. Пріѣхали домой; всѣ товарищи идутъ пѣшкомъ, пальцы въ ноздряхъ, а онъ не можетъ управиться со своими стадами. Проживши дома дня два-три, поѣхалъ къ другу на кладбище. «Салемъ алейкумъ, дустумъ»! «Суйлемъ», говоритъ мертвый другъ, выходитъ и вводитъ въ могилу. Живой другъ былъ изумленъ: джигить въ черной шапкѣ, молодая келенчекъ, двѣ дѣвицы, ястребъ, собака — всѣ сидятъ тутъ. Другъ его посмотрѣлъ на младшую изъ дѣвицъ и засмѣялся, посмотрѣлъ и онъ на нее и видитъ въ томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ поцѣловалъ, черное пятно на щекѣ. «Бѣд-

---

ный ты человекъ», сказалъ мертвый другъ, «я доволенъ тобою, младшая тебѣ понравилась, ее ты возьми себѣ, съ меня будетъ келенчекъ со старшей дѣвицей». Погостилъ онъ тутъ, а джигитъ въ черной шапкѣ прислуживаетъ имъ. «Пора», говоритъ онъ, «возвратиться домой». «Хорошо», говоритъ ему мертвый другъ, «когда ты приѣдешь домой, въ аулахъ вашихъ будутъ разѣзжать торговцы съ товарами на двухъ телѣгахъ; у нихъ есть двѣ лошади, одна гнѣдая, другая рыжая; лошади тощія, но ты ихъ купи, сколько бы ни стали просить владѣльцы. Сначала купи гнѣдую, потомъ рыжую, три года не клади на нихъ ни укрука, ни узды, ни сѣдла съ потникомъ, не клади раздвоенныхъ лядвей {...} Черезъ три года зарѣжь гнѣдую, разбей всѣ кости и косточки, даже пальцевъ и смотри на мозжечекъ: если онъ не будетъ весь бѣлый и хоть капля черноты, то отпусти рыжую лошадь еще на годъ въ табунъ. По прошествіи 4-хъ лѣтъ на пятый, привяжи ее къ веревкѣ у юрты, давай одинъ только разъ сорвать траву и одинъ глотокъ воды, но все не ѣзди; лошадь будетъ, какъ ногойка. Черезъ нѣсколько времени ты почувствуешь

боль въ головѣ; пройдетъ — хорошо; если же станетъ все увеличиваться, садись на рыжую лошадь и скачи ко мнѣ. Не забывай». Друзья простились. Джигитъ пріѣхалъ въ свой аулъ, видитъ: татары торгуютъ, у нихъ двѣ лошади, какъ говорилъ другъ его, — гнѣдая и рыжая. Онъ сталъ просить продать ему гнѣдую, даетъ за нее двѣ лошади, караванчи просить три. Далъ. Сталъ торговать рыжую. Караванчи самъ былъ испытатель потребовалъ пять лошадей. Купилъ. На три года пустилъ въ табунъ, какъ говорилъ другъ; на четвертый годъ убилъ гнѣдого и въ пальцахъ нашель черноту въ ноготь большого пальца. Еще годъ держалъ рыжую въ табунѣ. На пятый годъ рыжую лошадь сталъ держать у юрты на веревкѣ. Однажды заболѣла голова и не поправляется. Джигитъ тайну свою никому не говорилъ, ни отцу, ни матери, ни друзьямъ, ни сверстникамъ; зналъ ее Богъ, мертвый другъ и онъ самъ, только трое. «Осѣдлайте-ка рыжку», сказалъ онъ, видя, что болѣзнь увеличивается, «я поразсѣюсь» {...} Сталъ ѣздить по аулу, силы начали быстро падать, не устоялъ {...} кой какъ «аманъ булъ»! сказалъ онъ народу и

ударилъ лошадь. Скачетъ къ другу. Другъ все это знаетъ, хотя не видитъ. «Плохо моему другу» — думаетъ онъ; «рыжая лошадь «тулпаръ», когда разгорятся бока, пожалуй, унесетъ мимо и не остановишь». Приказалъ бабамъ крутить шелковый арканъ въ сорокъ маховыхъ саженой, чтобы имъ захватить друга. Видитъ: другъ скачетъ; бросилъ арканъ и захватилъ имъ друга, а рыжій тулпаръ пронесся далѣе; такъ разгорячился. Поднялъ друга и внесъ въ свою могилу. Азраиль-Джебраиль душеберущій, между тѣмъ, гнался и былъ готовъ бросить укрукъ, но рыжаго тулпара не могъ все таки догнать. Вслѣдъ за друзьями пришелъ въ могилу и Азраиль-Джебраиль, говоря: давай бѣглеца моего! здѣсь онъ, бѣглецъ мой». «Не дамъ», сказалъ мертвый другъ, «я Божій саидъ, и Богъ обязался до трехъ разъ исполнять мою просьбу. Ступай отсюда». Азраиль-Джебраиль пришелъ къ Богу и сказалъ: «твой приказанный отъ насъ убѣждалъ, и одинъ человекъ не далъ: «не дамъ» сказалъ, «я саидъ Божій, и Богъ обязался до трехъ разъ исполнять мою просьбу» — что намъ теперь дѣлать»? Всевышній Богъ сказалъ: «правда, правда!

онъ мой саидъ! взялъ, такъ взялъ, пусть будетъ по его просьбѣ». Такимъ образомъ они стали съ другомъ жить вмѣстѣ и достигли всѣхъ надеждъ своихъ.

•••

Рукопись хранится въ Географическомъ Обществѣ.

*Точками обозначены пробѣлы въ рукописи. Валихановъ оставилъ въ текстѣ пустыя мѣста съ тою цѣлью, чтобы вставить тамъ киргизскія выраженія; но пропуски такъ и остались не заполненными.
Ред.*

**„Записки Императорскаго Русскаго географическаго общества.“
Том XXXIX. 1904.**

При перепечатке ссылка на unixone.ru обязательна.